

ПРАВОВАЯ КОЛЛИЗИЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН Пашаева Ш.Ю.

*Пашаева Шери Юсуфовна – кандидат исторических наук, докторант,
г. Махачкала*

Аннотация: обосновывается необходимость отмены Постановления № 191 от 18.10.2000 года Государственного совета Республики Дагестан как нарушающего федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 года [№ 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2208., ст. 1]. Федеральный закон должен быть общим для всех субъектов государства и все субъекты одинаково обязаны следовать ему. Имеется факт обхода указанного федерального закона руководством Республики Дагестан в 1999 году путём принятия особой поправки к нему в виде Постановления № 191 от 18.10.2000 года Государственного совета РД. Поправка сосредотачивает обеспечение прав коренных малочисленных народов Дагестана в руках его высшего политического руководства, которое в действительности не выполняет требование ФЗ-82 [О внесении изменения в Указ Президента Республики Дагестан 75 № 4, 2017 от 13 сентября 2013 г. № 257 [Текст]: Указ Главы Республики Дагестан от 1 февраля 2016 г. № 26 [Электронный ресурс] – <http://president.e-dag.ru/dokumenty?start=660>]. Дальнейшее сохранение вышеозначенного Постановления противоречит ФЗ - № 82 (1999), тем самым нарушает Конституцию Российской Федерации. В связи с вышеизложенным давно назрела острая необходимость отмены данной поправки к ФЗ - № 82 (1999) по Республике Дагестан. В самой республике вокруг данного вопроса сложилась патовая ситуация по причине полной незаинтересованности ведущего политического истеблишмента, представляющей бывшее руководство (1948-2018), в восстановлении конституционных прав непретендентов коренных малочисленных народов Республики Дагестан. В сложившихся условиях наилучшим решением является отмена Постановления № 191 от 18.10.2000 года Государственного совета РД президентом РФ и передача решение вопроса независимой стороне в соответствующие федеральные учреждения.

Ключевые слова: Федеральный закон №82 (1990), нарушение ФЗ-82 (1990), малочисленные коренные народы России, этнополитика, национальная политика, малочисленные народы Дагестана, Дагестан, правовая коллизия, национальный вопрос, нарушение этнических прав, этнические меньшинства, конституционные права народов Российской Федерации, непретенденты народы Дагестана, национализм, этнократизм, реформа национальной политики Республики Дагестан.

LEGAL COLLISION IN THE NATIONAL POLICY OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN Pashaeva Sh.Yu.

*Pashayeva Sheri Yusufovna – candidate of historical sciences, doctoral student,
Makhachkala*

Abstract: the necessity of canceling the Decree No. 191 of 10/18/2000 of the State Council of the Republic of Dagestan as violating the federal law "On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation" of April 30, 1999 [No. 82-FZ] is substantiated // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1999. - No. 18. - Art. 2208., art. 1]. The federal law must be common to all subjects of the state, and all subjects are equally obliged to follow it. There is a circumvention of this federal law by the leadership of the Republic of Dagestan in 1999 by adopting a special amendment to it in the form of Resolution No. 191 of October 18, 2000 of the State Council of the Republic of Dagestan. The amendment concentrates ensuring the rights of the indigenous peoples of Dagestan in the hands of its top political leadership, which in reality does not fulfill the requirement of FZ-82 [On amendments to the Decree of the President of the Republic of Dagestan 75 No. 4, 2017 dated September 13, 2013 No. 257 [Text]: Decree of the Head of the Republic of Dagestan dated February 1, 2016 No. 26 [Electronic resource] - <http://president.e-dag.ru/dokumenty?start=660>]. The further preservation of the above Decree contradicts the Federal Law - No. 82 (1999), thereby violating the Constitution of the Russian Federation. In connection with the foregoing, there is an urgent need to cancel this amendment to the Federal Law - No. 82 (1999) for the Republic of Dagestan. In the republic itself, a stalemate has developed around this issue due to the complete disinterest of the leading political establishment, representing the former leadership (1948-2018), in restoring the constitutional rights of the unrepresented indigenous peoples of the Republic of Dagestan. The new leadership of the republic is in no hurry to help these peoples, probably being under certain pressure. The situation around this issue within the republic is extremely aggravated. Under the current conditions, the best solution is to cancel Decree No. 191 of October 18, 2000 of the State Council of the Republic of Dagestan by the President of the Russian Federation and transfer the issue to an independent party in the relevant federal institutions.

Keywords: *Federal Law No. 82 (1990), violation of Federal Law-82 (1990), small indigenous peoples of Russia, ethnopolitics, national policy, small peoples of Dagestan, Dagestan, legal conflict, national issue, violation of ethnic rights, ethnic minorities, constitutional rights of the peoples of the Russian Federation, unrepresented peoples of Dagestan, nationalism, ethnocracy, reform of the national policy of the Republic of Dagestan.*

Дагестан – национально-территориальное образование в составе России, образованное по географическому принципу, что связано с уникальным этническим составом населения. «Следует отметить, что полиэтничность Дагестана не есть результат статистики, а обусловлена его разнообразными природно-географическими условиями, географическим положением и историческим развитием, что сделало его пространством месторазвития (кормящим ландшафтом) для различных этносов» [Амбурцев Р.А., Хрущев С.А. Этнополитические проблемы современного Дагестана [Текст] / Амбурцев Р.А., Хрущев С.А. // Науки о земле «Науки. Инновации. Технологии». – 2017. - №4. – С. 64]. Уникальность Дагестана состоит в сосуществовании на сравнительно небольшом географическом пространстве множества отдельных автохтонных этносов, имеющих одинаково равные этнические права на то, чтобы быть титульными народами республики и на равных быть представленными в народном парламенте и властной структуре республики. Серьёзная национальная проблема Дагестана заключается в том, что в республике **де юро представлены только часть местных автохтонных этносов, а другая их часть длительное время лишена всех прав** и используется для укрупнения численности аварского и даргинского народов в целях их национального доминирования в республике. В результате чего нарушаются конституционные права шестнадцати самостоятельных малочисленных коренных народов республики, чьё существование с 1959 года сведено к искусственному увеличению численности двух крупных народов.

Почему же численность народа настолько важна, что используются столь противоправные и неправомерные методы ради его увеличения? И возможно ли ущемлённым непредставленным коренным народам Дагестана восстановить свои конституционные права в республике или они обречены? Эти вопросы самые животрепещущие. Численность народа действительно играет важнейшую роль в политическом и экономическом положении народа. Несмотря на то, что ни один из дагестанских этносов не может самостоятельно сформировать легитимные властные структуры без участия других народов, тем не менее, удельный вес численности даёт существенные преимущества двум народам в структурах власти и возможность влиять на решения относительно всей республики. Вопрос в том, что настоящих прав на доминирующее положение в республике у этих народов нет, так как официально представленная их численность в переписях населения является искусственно увеличенной, то есть укрупнённой, а не природной. С 1959 года укрупнённая численность дала в руки двух народов Дагестана беспрецедентные преимущества перед остальными народами республики, бесконтрольно сосредоточив в руках их политических элит всю полноту власти в республике. В советское время в республике был настолько жёсткий тотальный контроль СМИ со стороны местного руководства, что критика существовавшего несправедливого положения в республике, формально обставленного декларативными лозунгами равноправия народов, никогда не прорывалась в публичное информационное пространство. После распада СССР в информационном поле республики впервые прозвучала критика неправомерного доминирования двух народов над всеми остальными. В 1994 году на выборах депутатов представительных органов Республики Дагестан «среди избранных депутатов преобладали представители одного или двух этносов (аварцы и даргинцы), а в одном из городов избранными оказались представители только одной аварской народности» [Шапиев С.М. Шапиев А.С. Республика Дагестан: социально-политические и правовые проблемы в полиэтничном обществе. // Гражданин. Выборы. Власть. № 2(16)/2020 С. 128]. Дагестанские эксперты в попытке оправдать подобное доминирование часто пишут, что такое происходило в республике якобы по причине того, что «этнические особенности не учитывались». На самом деле в республике законодательно было всё подведено к тому, чтобы при любых обстоятельствах в НС РД преобладали депутаты указанных национальностей. И потому они всегда преобладали и преобладают. Преобладание в парламенте представителей двух укрупнённых национальностей так или иначе гарантирует проведение в жизнь республики решений исключительно в интересах их политических элит, делая представительство остальных 12 народов формальным. Более конкретно преобладание депутатов двух национальностей в НС РД открывает следующие возможности в республике: рекомендация кого назначать на место председателя Правительства; утверждение кандидатур для назначения на должности судей Конституционного Суда, мировых судей; внесение предложения о кандидатуре на должность Прокурора республики (последнее положение было исключено Законом Республики Дагестан от 127 Конституционное право 13.05.2002 № 21); принятие отставки Правительства и членов Правительства Республики Дагестан; рекомендация назначения и отзыва представителей республики; утверждение по предложению Председателя Правительства систему и структуру республиканских органов исполнительной власти; назначение референдума Республики Дагестан; проведение кадровой политики; обеспечение регулирования национальных, территориальных, межгосударственных отношений; награждение государственными наградами, присваивание почетных и специальных званий Республики Дагестан; представление к награждению государственными наградами к присвоению почетных и специальных званий; исполнение полномочий, возложенных на парламент Конституцией и законами Республики Дагестан и т.д. «Неписаным, но неукоснительно соблюдаемым стало в

Дагестане правило замещения трех ключевых постов (главы республики (президента), председателя Народного Собрания и председателя Правительства Республики Дагестан) представителями разных и коренных народов» [Шапиев С.М. Там же. С. 127]. Дагестанские эксперты камуфлируют обстоятельство, что под «разными» народами имеется в виду ротация высшей политической власти исключительно между аварцами и даргинцами. Неписанный закон внутренней национальной дагестанской «демократии», длившейся 70 лет (с 1948 по 2018), был нарушен 3 октября 2017 года назначением В.А. Васильева в.и. обязанности главы республики. Однако, как показала действительность, смена главы республики не способствует кардинальным переменам в республике, как того ждёт простое население республики, не даёт возможности перезагрузки внутренней национальной политики республики в интересах непредставленных народов, так как в республике продолжает функционировать глубинная неформальная система, созданная в прошлом, а НС РД с преобладанием в нём представителей укрупнённых народов – представителей глубинной системы республики – играет главную роль в формировании национальной политики и оказывает влияние на принятие решений, влияющих на судьбы народов в том числе.

Например, закон «О выборах в Народное Собрание Республики Дагестан» предусматривает с 1995 года квотирование мандатов для представителей той или иной национальности «в строгом соответствии с удельным весом численности населения той или иной народности обеспечивалось представительство 14 народов в парламенте Республики Дагестан», что означает формальное представительство 12 народов и фактическое доминирование представителей укрупнённых народов как народов с наиболее высоким удельным весом численности. В начале 2000-х годов Народное Собрание Республики обратилось в Государственную Думу с законодательной инициативой о внесении изменений и дополнений в федеральное избирательное законодательство, позволяющее Дагестану учитывать свои особенности. Избирательные участки заведомо формировались таким образом, чтобы могли выдвигаться и избираться представители укрупнённых народов даже по участкам по Южному Дагестану. Что наносило ущерб интересам других народов. Но вместо того, чтобы скорректировать формирование избирательных участков по республике, НС РД настойчивыми просьбами добилось того, чтобы для республики был принят специальный Федеральный закон от 7 февраля 2003 года № 21 ФЗ «О временных мерах по обеспечению представительства коренных малочисленных народов Российской Федерации в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации». В итоге чего был установлен предел отклонения от средней нормы представительства избирателей по Республике Дагестан 70 процентов, в то время как по всем остальным субъектам федерации, предел отклонения составляет 30 процентов. То есть везде, где можно спекулировать на этнических особенностях Дагестана, чтобы так или иначе обойти общие федеральные законы, внести в них некие изменения в своих националистических интересах, было сделано. Стоит взглянуть на то, как формировались в прошлом (и продолжают формироваться) избирательные участки, как сразу становится ясно, что проблема больше заключается в том, как они создаются. При этом стоит только глубже рассмотреть суть подобного законодательства, для чего и зачем нужны все эти поправки и изменения к федеральным законам по Республике Дагестан, то так или иначе всплывают нарушения этнических прав других народов.

Отсюда проистекают современные причины тяжелого продвижения любых позитивных идей нового руководства республики, а также сохранения в состоянии консервации комплекса предыдущих проблем республики, среди которых наиболее важным является вопрос восстановления конституционных прав непредставленных коренных народов Дагестана. Отсюда проистекает и огромный информационный негатив в адрес нового руководства республики, запущенный представителями глубинной системы через подконтрольные себе СМИ и соцсети, а также скрытый саботаж чиновниками многих важных указов главы республики, направленных на улучшение жизни всей республики вне зависимости от «удельного веса численности». Перемены к лучшему и выход республики из тяжёлого дотационного застоя не в интересах политических элит укрупнённых народов, живущих в собственной реальности в ожидании часа их своего возврата во власть. Потому их задача «оставить всё как есть» и не допустить никаких позитивных движений во внутренней национальной политике. Лозунг «оставить всё как есть» в республике для этих кругов жизненно важное условие для сохранения неправомерной национальной доминации в республике и продолжения ущемления непредставленных народов.

«Отдельные представители таких этнических меньшинств также периодически поднимали проблемы самоидентификации этноса как самостоятельного народа, добиваясь представительства во властных структурах. **На том этапе республиканским властям удалось убедить руководство страны и федеральные органы государственной власти в том, что единые для всех правила Дагестану не подходят**» [Шапиев С.М. Там же. С. 131]. Обратите внимание на последнюю формулировку в работе дагестанского эксперта, которая до сих пор является ключевой во всей парадигме внутренней национальной политики Дагестана. Насколько легитимной является подобная подача со стороны политического истеблишмента республик, представляющей укрупнённые народы, что «**единые для всех правила Дагестану не подходят**»? Чем же непредставленные коренные народы Дагестана, неправомерно называемые автором «этнические меньшинства», ущемляемые с 1959 года, хуже всех остальных народов Российской Федерации, что в их отношении нельзя применять единые для всех правила? Возникает вопрос: чьи националистические интересы не сочетаются с определением «единые для всех правила» в правовом

государстве, которым является Российская федерация? И правильно ли сохранение столь очевидной несправедливости в республике относительно непредставленных коренных народов ради довольства узко ориентированных националистических групп, какими влиятельными б они не казались, вредящих таким подходом интересам всей республике и его многонационального сообщества?

Таким образом, огромной проблемой для республики является то обстоятельство, что современные политические элиты укрупнённых народов, занимающие ключевые посты в республике и в федеральных органах не желают исправлять ошибки советского прошлого, не хотят вернуть непредставленным народам незаконно отнятые у них этнические права, а напротив, пытаются максимально размыть тему, представить полноценные коренные народы республики некими непонятными «этническими меньшинствами», стараются информационно «задушить» проблему внутри республики, не давая острой теме получить общественно-политический резонанс в стране. В большей степени усилия направлены на то, чтобы устными обещаниями оттянуть время, требующее для завершения ассимиляции этих народов, когда претензии этих народов сами собой исчезнут вместе с исторической памятью о себе. Законодательно созданы такие условия, при которых непредставленные народы Дагестана сами по себе (без вмешательства президента РФ) никогда не смогут восстановить свои конституционные права, обречены на ассимиляцию, под что подведена вся необходимая научно-историческая база.

Вмешательство президента РФ в столь щепетильный и внутренний национальный вопрос Дагестана имеет шанс 1 процент из 100, то есть почти никакой, потому политические элиты укрупнённых народов уверены, что никто на высшем федеральном уровне в тему не вмешается, потому можно продолжать далее ущемлять права этих народов.

Касааясь истории вопроса, нужно подчеркнуть, что с 1948 по 1959 годы в советском Дагестане сформировался этнократический режим, дальнейшей функцией которого стало обеспечение всестороннего доминирования двух национальностей. До сих пор с точки зрения политических элит укрупнённых народов Дагестан обеспечение собственного национального доминирования в республике является настолько важной задачей, что ради ее достижения считается возможным жертвовать частью коренных малочисленных народов. Главный расчёт сделан на безразличие руководства Российской Федерации к судьбам сравнительно слабых, невлиятельных и малочисленных этнических групп республики, неважность их интересов по сравнению с интересами двух влиятельных доминирующих народов. Именно с такой постановки вопроса произошёл внутренний этнический раскол Дагестана, малозаметный со стороны, но существующий и углубляющийся с каждым годом.

Почему такое априори стало возможным в Дагестане? Многие исследователи, в частности, Д. Хоровиц в своей классической работе «Ethnic Groups in Conflict», исходя из концепции неминуемой острой конкуренции разных этнических групп в полиэтничных регионах за скудные материальные ресурсы. Особенно конкуренция проявляется, когда множество этносов разного происхождения собраны в одном национально-территориальном образовании и вынуждены сосуществовать. Какими бы формальными интернациональными лозунгами не обставлялось подобное искусственное геополитическое образование, националистические процессы в нём неизбежны при мало-мальском нарушении естественного природного этнического фона. А при внутреннем переформатировании в интересах тех или иных этносов в целях достижения их доминанции, национализм въедается в внутреннее содержание и становится основным фактором. Поэтому нельзя допускать даже малейшего нарушения этнического фона в таких многонациональных образованиях: все этносы должны быть представлены исключительно в своей естественной численности на равных условиях и правах, вне зависимости от численности. Численность этноса не должна влиять на его положение и развитие. Даже напротив, чем малочисленнее этнос, тем лучше для него должны быть составлены условия сохранения и развития, а не наоборот.

Дагестанская автономия в РСФСР являлась дотационной республикой, потому борьба за львиную долю бюджета и широкое представительство в вертикали власти как залог проведения в многонациональной республике своих националистических интересов явились основными причинами стремления политических элит укрупнённых народов к доминированию над всеми остальными народами республики. С 1948 года по 2018 год вся республика работала так или иначе на интересы укрупнённых народов, остальные же народы и их интересы почти ничего не значили в республике, никак не влияли на принимаемые решения, будучи формально представлены в парламенте, играют больше декоративную роль, нежели фактическую. К сожалению, такое положение дел данность республики. Чтобы оздоровить республику нужны кардинальные перемены в национальной политике. Смена высшей политической власти не ведёт одновременно и к смене национальной политики республики, восстановлению конституционных прав непредставленных коренных народов и отказу от националистической политики внутри республики под формальными интернационалистическими лозунгами ведущих этнополитических элит республики, сформировавших в этом отношении нужную себе правовую платформу под свои интересы более чем за 75 лет фактического правления. Новая политическая власть, какая бы правильная она не была, серьёзно ограничивается сформировавшейся здесь в прошлом глубинной системой – неформальной клановой (представлена своими «нужными людьми» на ведущих позициях в вертикали власти) – которая продолжает работать не на народы республики, а на собственные интересы, вне зависимости от принимаемых главой республики решений в интересах общего развития республики. Без кардинальных реформ и слома старой системы, играющей крайне

негативную роль и тормозящей все позитивные процессы здесь, увы, особых перемен в республике не предвидится. Потому местные народы скептически относятся к любым перестановкам во власти, так как понимают, что пока старая система продолжает функционировать, республика не изменится к лучшему, кого бы не поставили на место того или иного чиновника и как бы не старалось новое руководство. Неформальная клановая система – продукт тех самых антиконституционных политических вмешательств в 1959 году в природу этнических процессов в интересах укрупнённых народов, ныне любой ценой стремящихся к сохранению политического доминирования в республике. Она есть безусловный результат нарушения этнического баланса и незаконного национального переформатирования республики с образованием двух доминирующих центров при раздроблении и ослаблении Южного Дагестана. Со всеми этими отрицательными факторами приходится считаться и они никуда не уйдут просто так, если не провести реформу национальной политики республики в интересах непредставленных коренных народов, чего не желают допускать местные элиты.

С послевоенного времени этнический фактор стал играть важнейшую роль в кадровой политике республики. В кадровой политике в сфере госуправления этнический фактор стал определяющим. Во многих случаях на руководящие посты назначались исключительно представители укрупнённых народов. В Республике Дагестан вплоть до 2018 года проводилась внутренняя национальная политика, направленная на фундаментальное закрепление достигнутого этнического доминирования двух народов. Практически вся научно-историческая литература с послевоенных лет по сей день создавалась, в большей степени, с целью исторического обоснования и правомерности такого доминирования, подведения истории под политические интересы укрупнённых народов, включая средневековье, период Кавказской войны и эпоху имама Шамиля (отец и дед которого являются представителями маленького горного народа чамалалы – ныне относящегося к непредставленным коренным народам Дагестана).

До сих пор в Дагестане остается не исследованным этнический аспект коррупции. До недавнего времени в республике руководители госпредприятий и предприятий с долей государственного капитала, и чиновники высшего ранга не уступали по уровню высоких доходов крупнейшим российским предпринимателям и были тесно связаны с коррупцией. Абсолютное большинство доходных и «перспективных» с точки зрения коррупции должностей с послевоенного времени в Дагестане занимали представители укрупнённых народов. В какой-то степени так продолжается до сих пор по причине наибольшего представительства во власти. С 1959 года по сей день политическое доминирование укрупнённых народов надежно обеспечено, так как перераспределение основной республиканской собственности завершено в их интересах. Этим также объясняется нежелание ими перемен в республике. Этнические права других народов республики ничего для значат для этих кругов.

Этническое многообразие подразумевает необходимость тщательного соблюдения этнических прав всех без исключения коренных народов, вне зависимости от их численности. Часть дагестанских этносов, являющихся коренными малочисленными народами, утратили свои официальные статусы во время переписи населения 1959 года в Дагестанской АССР и были вычеркнуты из официального перечня коренных народов России. В постсоветское время эти народы не смогли восстановиться в своих конституционных правах, несмотря на все усилия своей народной интеллигенции, главным образом, потому что Постановление № 191 от 18.10.2000 года Государственного совета РД стало непреодолимым препятствием для них на этом пути. В настоящее время остро стоит вопрос необходимости отмены данного Постановления как нарушающего этнические права шестнадцати непредставленных коренных народов Республики Дагестан и позволяющего обходить федеральный закон № 82.

Вкратце о сути ФЗ № 82. В 1999 году в Российской Федерации принят особый федеральный закон о коренных малочисленных народах России, определяющий правовые гарантии, географию и номенклатуру на основе чётко сформулированных принципов выделения: проживание на территориях традиционного расселения своих предков; сохранение традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов; численность в РФ менее 50 тысяч человек; осознание себя самостоятельными этническими общностями [О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2208., ст. 1]. В соответствии с перечисленными признаками в категорию коренных малочисленных народов входят все малочисленные северные народы, этносы Среднего Поволжья, Северо-Запада, Южного Урала и Северного Кавказа. В соответствие с данным федеральным законом, чем малочисленнее этнос, тем больше внимания ему должно уделяться и тем тщательнее должны соблюдаться его этнические права. Широкая правовая представленность разнообразных коренных народов во власти с соблюдением всех своих конституционных прав является платформой гармоничного развития субъектов Российской Федерации. Но в Республике Дагестан отсутствует правовая имплементация федерального закона от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ, так как руководство республики подменило содержание федерального закона Постановлением № 191 от 18.10.2000 года Государственного совета РД, которое по сути искажает фактические количественные и иные особенности местных коренных малочисленных народов, тем самым не выполняет требование ФЗ-82 [О внесении изменения в Указ Президента Республики Дагестан 75 № 4, 2017 от 13 сентября 2013 г. № 257 [Текст]: Указ Главы Республики Дагестан от 1 февраля 2016 г. № 26 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://president.e-dag.ru/dokumenty?start=660>].

По факту это единственно и есть то, к чему привела передача правовой реализации федерального закона № 82 в руки высшего руководства Республики Дагестан, по ряду причин не заинтересованного в его исполнении. Постсоветское руководство республики ни в какой мере не собиралось соблюдать права малочисленных коренных андо-дидойских, а также арчинского, акушинского и кайтагского народов, в чём не заинтересован и современный дагестанский политический истеблишмент, представляющий предыдущее руководство республики. Таким образом, в 1999-2000 гг. произошла правовая коллизия, когда ФЗ-82 требует от всех субъектов федерации соблюдения этнических прав малочисленных коренных народов России и чётко определяет кого следует относить к категории малочисленного коренного этноса, а поправка к ФЗ-82 по Республике Дагестан позволяет обходить ФЗ-82 и продолжать ущемлять конституционных права непредставленных малочисленных коренных народов республики [О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2208].

В 2000 году в Республике Дагестан было законодательно определено 14 коренных малочисленных народа, которые в действительности не являются малочисленными народами, а некоторые из них относятся к категории этнических меньшинств и не являются коренными для территории Республики Дагестан [Об особенностях применения Федерального закона «О коренных малочисленных народах Российской Федерации» в Республике Дагестан [Текст]: Постановление Государственного Совета РД от 18 октября 2000 г. № 191 // Собрание законодательства Республики Дагестан. – 2000. – № 10. – Ст. 922]. Ничем иным как национализмом высших этнополитических элит, более 75 лет безраздельно властвовавших в республике, подобное преступное отношение к судьбам малочисленных коренных народов нельзя объяснить.

Анализируя историю советского прошлого республики, выявляется парадоксальный факт привнесённости националистических идей. Потому что национализм как явление не был свойствен традиционному Дагестану в историческом прошлом, впервые появился и глубоко утвердился в республике усилиями местных этнократов* в послевоенное советское время (*Прим.: термин «партократия» это когда власть принадлежит одной партии, «этнопартократия» это когда власть принадлежит представителям одного или двух народов, управляющих через партийную систему в собственных националистических интересах). Необходим анализ природы происхождения явлений этнократизма и национализма в Дагестане в целях преодоления их негативных последствий и возврата к более естественному для Дагестана состоянию этнического многообразия без искусственных доминирующих национальных центров.

В Советском Союзе создались условия, когда более крупные народы, злоупотребляя данными им широкими политическими полномочиями во внутренней политике, могли процветать на дискриминации и ущемлении малочисленных народов своих республик. Обозначалась подобная несправедливость политическим определением «формирование новых советских наций». Первые важные исследования в ранней советской этнографии С.М. Широкогорова и Н.Я. Марра в 30-х годах были сведены на нет. Понятие «этнос» заменили социально-экономическими формациями в их конкретных вариантах [Совещание этнографов Ленинграда и Москвы. // Советская этнография. 1929. №2. С.118]. В ходу были такие категории как «социалистические нации» и «социалистические народности». Различия их заключались в чисто количественных характеристиках. «При такой примитивной градации не учитывалось огромное разнообразие этнической структуры общества, внутренней композиции и архитектоники этносов, их места и роли в функционировании всей системы национальных отношений» [Бабаков В.Г. Кризисные этносы. Москва, 1993. С. 11]. Ошибочные действия в национальной политике советского государства, предпринимавшийся в благих целях, привели к непредвиденным негативным последствиям с противоположным результатом. Считалось, что новые политические советские нации будут лишены всякого национализма как продукты социалистического строя. Но в реальности всё произошло с точностью до наоборот. Партийные элиты новых советских политических наций стали активно вмешиваться в историческую науку и влиять на результаты исторических исследований. Посредством послушных себе учёных в местных НИИ АН СССР заказывалось переписывание истории в интересах вновь сформированных (укрупнённых) наций. Одновременно избегая признания того факта, что на самом деле новые советские нации сформировались в своём настоящем виде (и как они есть сейчас) только в советское время и только благодаря предоставившимся им условиям советской системы.

«В Советском Союзе в общественном менталитете и в государственных процедурах утвердился принцип "национальности" как единичной и обязательной принадлежности каждого гражданина к определенной этнической общности, а фиксация этой принадлежности осуществлялась через систему внутренних паспортов на индивидуальном уровне и через систему статистического учета в переписях населения на коллективном уровне» [Тишков В., Кисриев Э. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) [Текст] / Тишков В., Кисриев Э. // Этнические категории и статистика / Под ред. Елены Филипповой. — М.: ФГНУ «Росинформатех», - 2008. – С. 94].

В советское время национальный вопрос стал определяться всесоюзной переписью населения, имевшей особое значение, так как именно перепись населения определяла судьбы народов. Эта традиция перешла в постсоветское и в современное время. Перепись бралась под жёсткий контроль со стороны этнопартократов национальных республик, которые были заинтересованы в унификации и интеграции этнического многообразия в своих республик в целях усиления политических позиций сформированных новых

социалистических наций, стремящимися любыми путями получить статус государствообразующих народов. Главная проблема заключалась в конфликте реальной исторической действительности и непомерных политических амбиций лидеров новых политических наций, не желающих обозначать правдивую историю формирования укрупнённых народов в СССР. В этой связи всесоюзная перепись 1926 года в научной лингвистике считается наиболее правдивой относительно своих результатов. На установках переписи 1926 года базируется ИЭА РАН потому, как пишут В.А. Тишков и С.А. Арутюнов, что «это были наиболее научно состоятельные установки. Все последующие переписи страдали от предвзятой политизации, а часто и прямой фальсификации [Письмо академиков РАН В.А. Тишкова и С.А. Арутюнова от 29 марта 2002 года на имя Начальника Управления переписи населения и демографической статистики Госкомстата России И.А. Збарской].

Почему перепись 1926 года столь серьёзно отличалась от переписи 1959 года выясняется при изучении состава комиссий 1926 и 1959 годов. «При первой разработке этой конструкции в переписи 1926 года участвовали этнографы, географы и другие ученые в составе специальной комиссии» [Тишков В., Кисриев Э. Там же. С. 94; Ссылка: Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005]. То есть, не было возможности политического вмешательства в процесс этнической идентификации народов при создании списка существующих отдельных этнических общностей в стране. Всесоюзная перепись 1926 года курировалась исключительно учёными без вмешательства партийного руководства на местах и потому она столь отличается от всех последующих переписей [Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. - М., 1927-1929]. Но затем в состав комиссии, составляющей официальный перечень народов страны, добавили статистов, которые подчинялись непосредственно партийному руководству на местах. «В последующем разработка "списка народов" осуществлялась Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве со специалистами ЦСУ СССР. Таким образом, в этом деле играли важную роль не только ученые-этнографы, но и специалисты статистики, о чем свидетельствует книга одного из старейших сотрудников ЦСУ А. А. Исупова» [Тишков В., Кисриев Э. Там же. С. 94; Ссылка: Исупов А.А. Национальный состав населения СССР (По итогам переписи 1959 года). М.: Статистика, 1961]. То есть разработка номенклатуры национальностей в послевоенное время была закреплена за статистическими органами в кооперации с академической наукой при ведущей роли статистов. Вот когда этнопартийные элиты национальных республик РСФСР получили возможность влиять на перепись населения в своих республиках и искажать результаты переписи сообразно своим интересам. «Это вызывало жестокие коллизии как между этническими элитами советских национальностей, так и между властями и наукой» [Тишков В., Кисриев Э. Там же. С. 94]. Из всех национальных республик РСФСР именно Дагестан отличился весьма серьёзно в плане беспрецедентного искажения результатов переписи населения в республике от 1959 года. Вот уже более 64 года как искажение подлинных результатов этнической идентификации народов Дагестана кочует из переписи в перепись по сей день и этнические права непредставленных КМН продолжают нарушаться. В незначительной степени правовые коллизии относительно переписи населения возникали и в других национальных автономиях РСФСР, но «нигде конфликт теории и политики вокруг вопроса этнической идентификации не сказался столь серьезным образом на проведении переписи, на качестве и достоверности полученных материалов» [Тишков В., Кисриев Э. Там же. С. 96].

Этническое многообразие Дагестана стало проблемой для сформировавшихся в республике новых советских этнопартийных кругов, далёких от социалистических принципов построения справедливого равноправного сообщества народов, потому цель была отнюдь не сохранение и поддержание уникальных этнических общностей государства, как обозначено во всех советских конституциях (СССР, РСФСР, ДАССР), а совершенно противоположная – создание основного доминирующего национального центра, управляющего основными процессами в многонациональной республике и создающего новую политическую реальность сообразно своим националистическим интересам. Современное национальное состояние Дагестана со всеми внутренними проблемами есть результат негуманного этнополитического переформатирования республики в послевоенное советское время в интересах двух народов, которым неправомерно была отведена доминирующая роль** (**Прим.: В статьях первого дагестанского этнократа А. Даниялова упоминается некая единая дагестанская нация, которую, якобы, он пытается создать, чем он оправдывает свои антиконституционные действия во внутренней национальной политике республики. На самом деле то был обман. Никакими социалистическими целями создания единой «дагестанской советской нации» в республике не руководствовались, доказательство чему совершенно противоположные действия относительно Южного Дагестана. В действительности же преследовалась исключительно националистическая цель – искусственное увеличение численности двух народов за счёт других для получения ими наибольшего представительства во власти, узурпации всей полноты власти их партийными элитами. Второй укрупнённый народ – даргинский – был нужен как второстепенный центр). С последствиями запущенных процессов связано возникновение неформальной клановой системы в республике и практики неформального национального квотирования: наиболее деструктивных явлений в республике. Эта же националистическая цель стоит и ныне во главе угла в логике противодействия современного дагестанского политического истеблишмента попыткам ущемлённых непредставленных коренных малочисленных народов восстановить свои утраченные конституционные права.

При высоких политических амбициях советских этнопартийных элит того периода, народы, выдвигаемые на роль доминирующих, не всегда набирали необходимый официальный минимум по своей естественной этнической численности и соответствовали требованиям, предъявляемых советской системой для официального утверждения доминирования того или иного народа в национальной республике со всеми вытекающими отсюда последствиями. Выход находился – искусственно увеличить численность таких народов путём укрупнения за счёт других народов. На первый план выступала чисто количественная характеристика. Таким образом, советская национальная политика тех лет создала такие условия, при которых раскрывались худшие националистические амбиции руководящих партийных элит на местах, получивших в своё распоряжение целые национальные республики и судьбы местных народов, которыми они не преминули поступиться. «Научное обоснование» такого рода укрупнений в союзных республиках и автономиях, в которых наука была полностью зависима от местных обкомов партии, несложно было создать.

Искавление национальной парадигмы в ДАССР происходило не только в направлении укрупнения одних народов за счёт других, но и раздробления народа со своей естественной численностью, в частности, лезгинского народа. Единый этногенез народов лезгинской группы не нуждается в доказательстве. Это факт и подтверждается самим определением «лезгиноязычные», данными дореволюционными и советскими учёными, официально применяемой российской научной лингвистикой. На сей день это наиболее близкие друг другу этнографические группы одного происхождения в Дагестане, языки которых имеют единую корневую систему и общий праязык, в отличие от всех остальных народов республики. Например, отсутствует определение «авароязычные» или «даргиноязычные» применительно к аваро-андо-дидойской и даргинской группе по причине отсутствия доказательства происхождения этих народов из одного корня и от общего праязыка, поэтому в отношении них используется определение «группа», а не «язычные». Раздроблением лезгинского народа с политического поля республики предусмотрительно отстранялся возможный политический конкурент, то есть народ, имевший естественную этническую численность, что позволило ему быть ведущим в своём регионе без всяких вспомогательных средств. Ни для кого не секрет, как посредством давления на московских лингвистов и этнографов, в начале 1950-х годов проводился в жизнь политический заказ со стороны партийного руководства ДАССР, в результате чего лезгинский народ оказался раздроблен на ряд мелких этносов, на самом деле являющихся его этнографическими группами*** (***)Прим.: «Этнографическая группа — часть этноса, обладающая определёнными особенностями в сфере традиций, хозяйства и быта»). В то время как андо-дидойские народы и арчинский народ не являются этнографическими группами аварского народа, а являются действительно самостоятельными народами, как и кайтагский, кубачинский народы не являются этнографическими группами даргинского (акушинского) народа. Разница очевидна. В последующем в среде разъединённых от основного этноса лезгинских этнографических групп были запущены глубокие деструктивные процессы, заключающиеся в противопоставлении этих групп друг другу и основному этносу в целях разобщения, во враждебности к «лезгинству» и утопических псевдоисторических теорий о собственном происхождении, в поощрении в их среде национализма, то есть всего того, что внутренне разрушает их самих. Цель – не допущение возможной этнической консолидации Южного Дагестана. Всё это требует досконального научно-исторического анализа и оценки,

Таким образом в Дагестане имело место вмешательство в природу этнических процессов по двум направлениям: с одной стороны, укрупнение народов, не имевших естественной численности для обоснования своих претензии на политическое доминирование в республике; с другой стороны, раздробление на этнографические группы более крупного местного народа со своей естественной численностью. В борьбе за абсолютную власть и этнополитическое доминирование в советском Дагестане оказались запущены противоправные антиконституционные этнополитические процессы: 1) обезличивание полноценных отдельных этнических общностей, которых «добровольно» принуждали выдавать себя за иной народ; 2) раздробление относительно крупного народа на ряд мелких «новых этносов», которых максимально поощряли на острую конкуренцию друг с другом, пресекая на корню всякую возможность консолидироваться. Оба процесса имели под собой сугубо националистическую основу, являлись глубоко деструктивными для Дагестана и нанесли огромный невосполнимый ущерб республике в целом и народам с естественной численностью. Как разбивалось этническое единство сложившихся этнографических культур лезгинского генезиса Южного Дагестана, так разбивалось и чрезвычайно ценное многообразие культур, языков, которым характеризовался подлинный исторический Северо-Западный и Центральный Дагестан.

Внутри национальной автономии, где власть полностью сосредоточилась в руках узкого круга этнопартийных элит, оказалось возможным переформатировать религиозное сознание полиэтничного населения (объединяющее все местные народы), не осознающего истинную суть происходящих этнополитических процессов, в национальное, как путём ряда связанных друг с другом продуманных политических действий во внутренней национальной политике, так и посредством заданной в определённом ключе научно-исторической информационной пропаганды. **Так впервые в истории Дагестана появляется деструктивное явление национализма.** Подлинный интернационализм, которым прославилась республика в раннее советское время в первой половине XX века, во второй половине XX века ушёл в прошлое. Бесспорно, эти действия правящей местной партийной номенклатуры во внутренней политике республики с целью искусственного создания государствообразующего народа и доминирующих национальных центров,

являлись не только антиконституционными и нарушающими этнические права большинства народов Дагестана, а что более хуже, разрушившими наиболее ценное естественное состояние этнического многообразия исторического Дагестана, которому был чужд национализм.

Немаловажно выявить причины того, почему столь деструктивный процесс во внутренней национальной политике стал в принципе возможен в многонациональном Дагестане, что его двигало, откуда высшее партийное руководство республики черпало столь чуждые, нетрадиционные для исторического Дагестана, разрушительные националистические идеи. Здесь надо вернуться к высказанной мысли о привнесённости извне националистических идей в послевоенный советский Дагестан.

Дело в том, что в Дагестанской автономии «формирование новых советских наций» происходило по модели соседнего Азербайджана. Перед дагестанским партийным руководством был пример советского Азербайджана, где к 1937 году был завершён масштабный национальный проект укрупнения тюркоязычного конгломерата, так называемых в дореволюционной историографии «мусульман» или закавказских тюрков (татар) Российской империи, за счёт старинных переселенцев Южного Кавказа – курдов, татов, горских евреев, персов, езидов, молокан и старообрядцев – издавна живущих на Апшеронском полуострове, в результате чего на свет появилась новая советская азербайджанская нация. Параллельно местные автохтонные дагестанские и талышский народы постепенно также переписывались в «азербайджанцы». Одним из способов ассимиляции того времени было (и есть до сих пор) выдача родителям новорожденных детей при выписке из родильного дома документа (метрика или свидетельство о рождении) с уже проставленной «нужной» национальностью, изменить которую было (и есть) практически невозможно. С тех пор численность последних в официальных списках переписи населения Азербайджана уменьшается с каждым годом и остановить этот процесс становится невозможным в условиях специфики унитарного государства.

В Дагестанской АССР с 1941 по 1948 год руководство осуществлялось Азизом Алиевым (вместе с многочисленной командой чиновников из Баку). В результате скелет проекта формирования советской азербайджанской нации был перенесён на дагестанскую почву, оброс дагестанской спецификой и применён к народам Дагестана. Реализатором данного проекта стал А. Даниялов. Анализ происходивших процессов во внутренней национальной политике ДАССР в послевоенное время выявляет сильное влияние или даже прямой инструктаж в этом отношении дагестанского руководства со стороны руководства АССР. Из чего и напрашивается вывод, что азербайджанская модель национальной политики со всеми своими перекосами, недостатками и многочисленными юридическими лазейками обхода соответствующих положений советской конституции была перенесена в советский Дагестан в послевоенные годы, апогеем которого стала всесоюзная перепись 1959 года. В результате чего оказались этнонимы у шестнадцати КМН Дагестана, за счёт которых были сформированы две новые укрупнённые нации в ДАССР, политические элиты которых узурпировали полноту власти в республике с 1948 года до 2018 года. Чрезвычайно важно выявить природу происхождения национализма такого плана в Дагестане. Прослеживается глубинная связь между этнополитическими процессами в двух соседних советских республиках, союзной и автономной, чем объясняется глубокое преклонение определённых современных политических кругов Дагестана, по сути, идейных преемников бывшей партийной этнократии, перед памятью Азиза Алиева, подсказавшего А. Даниялову как действовать во внутренней национальной политике республики в собственных национальных интересах. По сути, дагестанская этнократия – продукт непосредственного азербайджанского политического влияния на местную партократию с 1941 года по 1948 год. Эти 8 лет сыграли фундаментальную роль во всех последующих этнополитических процессах в республике. На этом фундаменте глубинного национализма, формально обставляемой декларативными лозунгами интернационализма и равноправия народов, по примеру соседней закавказской республики, была возвращена послевоенная политическая дагестанская элита. Национализм – наихудшее явление в истории Дагестана – был искусственно внедрён здесь в послевоенное советское время и поныне поддерживается усилиями определённых этнополитических кругов, формально демонстрирующих интернационализм, но по факту, действующих совершенно противоположным образом. Яркий пример тому, крайне циничное отношение к интересам непредставленных коренных народов Дагестана. Не испытывая никакого сочувствия к стольким ущемляемым народам Дагестана, лишённым этнонимов и родных языков в школе, возможности самосохранения и развития в правовом государстве, по сути, поставив свои националистические интересы превыше всего, эти круги ныне всеми путями пытаются вернуться к высшей политической власти в республике с неизменным принципом **«сохранить всё без изменений»**. С этим связано жёсткое противодействие этих кругов попыткам непредставленных КМН Дагестана вернуть себе собственное национальное будущее и сопротивление даже малым позитивным переменам в интересах ущемлённых народов республики.

Факт, по азербайджанской кальке, дагестанская научная интеллигенция с послевоенного времени была поставлена под полный контроль республиканских властей и вынуждена обслуживать прежде всего местные титульные этнонационализмы, подтверждается обстоятельством, насколько огромное давление на Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН) оказывалось со стороны АССР и ДАССР. В частности, «азербайджанские этнографы доказывали существование в республике «мононации» азербайджанцев, отказывая в признании лезгинам, талышам, курдам, татам, езидам. Партийное руководство Азербайджана неоднократно жаловалось в Москву на Институт этнографии, который упоминал эти группы в

своих изданиях, на этнографических картах и в списке народов для переписи населения. Дагестанских ученых больше всего беспокоило утверждение аварско-даргинского культурного доминирования, и они никогда не выступали за права и интересы малочисленных народов, которые не считали самостоятельными группами» [Тишков В., Кисриев Э. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) [Текст] / Тишков В., Кисриев Э. // «Этнографическое обозрение». – 2007. - № 5; См. также: Шнирельман В.А. Статья аланами (этногенетические мифы на Северном Кавказе) [Текст] / Шнирельман В.А. // М.: Новое литературное обозрение. – 2005].

Таким образом в послевоенное время в советском Дагестане (как и в советском Азербайджане) произошла выраженная социальная деформация многонационального общества такого характера, когда интернационализм сводился к чисто декларативным лозунгам, соответствующие статьи советской конституции оставались на бумаге, а по факту национальная принадлежность доминировала над морально-нравственной, интеллектуальной, профессиональной и прочей характеристикой гражданина – что укоренилось в обоих республиках с того периода и пагубно повлияло на все стороны жизни их общества.

Серьёзной ошибкой со стороны руководства РСФСР явилось допущение в национальной политике Дагестанской АССР нарушения этнического многообразия (которое было сохранено в Дагестанской области в бытность Российской империи и в раннее советское время) в целях формирования укрупнённых советских наций в интересах узкого круга местных этнопартийных элит. Попустительство Москвы, отдавшей в руки местных партийных этнократов внутреннюю национальную политику, сыграло роль. Пострадали уникальные этнические общности республики, которых оказалось легко ущемить по причине как своей малочисленности, так и продолжавшегося преобладания в них религиозного сознания над национальным, недопонимания с их стороны сути происходящих сложных этнополитических процессов в республике, в итоге приведших к утрате ими своих этнических прав [Пашаева Ш.Ю. История борьбы 16 малочисленных непредставленных коренных народов Дагестана за восстановление конституционных прав (период: 1959-2012) [Текст] / Пашаева Ш.Ю. // Вестник науки и образования. – 2023. - №3 (134). – С.53. С. 53; Пашаева Ш. Ю. Арчинцы. Этническое возрождение [Текст] / Пашаева Ш.Ю. // Вестник науки и образования. – 2023. - №4 (135). – С. 19]. Понимания к последним пришло поздно, когда изменить что-либо они были уже не в силах. Без преувеличения можно констатировать, что указанные народы оказались обмануты партийной номенклатурой ДАССР. Вина правительства РСФСР хоть и косвенная, но существенная, в допущении деструктивного процесса в многонациональной республике. В Советском Союзе наступила «оттепель» Хрущёва. РСФСР предоставила автономиям полномочия вести более самостоятельную внутреннюю национальную политику, чем и воспользовались национал-шовинистические партийные круги на местах. «Отсутствие в отдельных звеньях государственного аппарата Российской федерации научно взвешенного, правового регулирования использования языков, стихийное решение в каждой автономной республике проблемы соотношения языка коренной национальности, русского и других языков в зависимости от субъективных факторов может вести к ущемлению языковых и национальных прав граждан» [Бабаков В.Г. Там же. С. 139].

Республика Дагестан по своему этническому многообразию нуждалась в более тщательном контроле со стороны федерального центра, чем все прочие субъекты федерации, особенно в контексте проводимой здесь внутренней национальной политики. Приход к высшей политической власти представителя того или иного местного народа, как мы видим из прошлого, может быть использован отнюдь не для всеобщего блага народов республики. Необходим высший внешний контроль действий политического руководства республики на предмет правомерности принимаемых решений, которые в недавнем прошлом зачастую ущемляли права тех или иных народов во всех сферах жизни, что весьма болезненно отражалось на их самоощущении и положении, особенно народов беззащитных и уязвимых перед произволом со стороны местных властей по причине своей малочисленности и официального «несуществования».

Этносы, которые существуют по факту, но не де юре, на самом деле не имеют никаких этнических прав. И это так, какими бы декларативными лозунгами об формальном равноправии всех дагестанских народов не обставляется факт отсутствия на правовом поле республики десятков непредставленных народов. Единственная роль, которая была отведена руководством Дагестана непредставленным народам, состояла в укрупнении двух «избранных» народов и обогащение их культур своими уникальными народными культурами. И более ничего. Удел, отведённый им предыдущим руководством республики, неизбежная ассимиляция с полной утратой исторической памяти о себе. Непредставленные коренные народы лишены всякой возможности официально заявить о себе как отдельные этносы. Вся дагестанская политическая система построена так, чтобы затруднить непредставленным народам возврат (или вообще не допустить возврат) назад к своим статусам и этнонимам.

Федеральные законы должны быть одинаковыми для всех субъектов Российской Федерации. Практика показывает, что нельзя допускать отхода от общего для всех федерального закона ни при каких условиях в едином государстве. Серьёзная ошибка позволять высшему руководству многонациональной республики вносить поправку к общему для всех федеральному закону (**Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999)**), которой можно злоупотреблять, так как юридическая реализация сути федерального закона может быть искажена в силу субъективности принимаемого решения высшим руководителем данной республики. Особое правовое положение может быть использовано как правовая лазейка для обхода федерального закона, в то время как этим законом для всех

субъектов федерации установлено требование о том, что в рамках федеральных и региональных программ федеральные органы исполнительной власти должны обеспечивать защиту традиционных прав КМН. «В ряде регионов этничность являлась главной игрой, точнее, главной ставкой в конкуренции за власть и за ресурсы. Именно таким регионом была Республика Дагестан, где старые схемы и новые виды конкуренции в сфере межэтнических отношений в драматической форме столкнулись с российской академической схемой и бюрократической процедурой во время проведения переписи населения 2002 года» [Тишков В., Кисриев Э. Там же. С. 95].

Выводы напрашиваются сами собой. С послевоенного советского времени на политическом поле республики, в так называемой «зоне власти», присутствует специфический глубинный национализм, мешающий общему развитию республики. Внутренний национализм очень серьёзное препятствие на пути процветания республики и построению здесь подлинного гражданского общества. Что касается политической ошибки в национальной политике послевоенного советского Дагестана, то она безусловно требует правовой коррекции. В результате искажения внутренней национальной политики республики и нарушения норм конституций ДАССР, РСФСР и СССР, уникальные отдельные этнические общности Дагестана в одночасье оказались лишены как статусов, этнонимом, так и «тительности» - наиболее важного этнического статуса в условиях Дагестана, лежащее в основе развития и процветания коренных народов. С советского времени в Дагестане именно «принадлежность к титульному этносу давала негласные, но неоспоримые преимущества не только в номенклатурной карьере, но и во всех сферах общественной жизни» [Амбурцев Р.А., Хрущев С.А. Там же]. В настоящее время титульный статус даёт то или иное количественное представительство в выборных органах власти, ту или иную степень влияния этнических элит на принятие решений, преимущества в развитии.

С каждым годом становится трудным игнорировать серьёзнейшую правовую проблему в национальной политике Республики Дагестан. Соответствующие структуры республики, которые должны искать оптимальное решение, совсем наоборот, избегают официальной дискуссии по данной теме в информационном пространстве, пытаются заглушить голоса активистов непредставленных КМН и аккумулировать проблему внутри республики. Со стороны некоторых высокопоставленных чиновников республики, не заинтересованных в информационном резонансе данной темы, при беседах с активистами этих народов устно выражалась (выражается) внешняя озабоченность существующей проблемой и обещание поэтапного решения вопроса, взамен информационной тишины. Проходят десятилетия в ожидании. Многих выдающихся активистов непредставленных КМН нет в живых: посветив делу защиты этнических прав своих народов жизни, пожертвовав карьерой и личным благополучием, они так и не увидели никакого позитивного сдвига. Обещание решить «пошагово» является политическим маневром. В действительности же, никто решать эту проблему не собирается, а совсем наоборот, имеет место затягивание решения вопроса под разными предлогами с целью свести его на нет.

Для российского государства благополучное разрешение столь длительной этнополитической проблемы, касающихся судеб более десятка непредставленных малочисленных коренных народов Республики Дагестан, с восстановлением их конституционных прав является наиболее желательным вариантом развития ситуации, нежели консервация внутри Дагестана с непредсказуемым итогом. Однако всякая возможность решения проблемы блокируется со стороны Дагестана. Местный политический истеблишмент старается законсервировать проблему внутри республики с целью затягивания возможности его решения с прицелом на то, что современные активисты КМН рано или поздно сойдут со сцены, продолжать их дело в следующих поколениях будет некому, а этническое сознание непредставленных народов будет достаточно изменено, чтобы вопрос сам по себе сошёл на нет. В последнем заинтересованы политические элиты укрупнённых народов, не желающих терять численность и готовых ради этого продолжать поступаться правами стольких народов. Интернационализм, братство, равноправие народов, конституционные права становятся декларативными лозунгами, под которыми нет содержания, так как на деле в республике происходит длительная перманентная ассимиляция коренных малочисленных народов республики и руководство это устраивает, раз ничего так и не предпринимается. В настоящее время происходит борьба КМН в защиту своих конституционных прав, но пока что это борьба не столь явная, тихая, внутренняя, в которой, увы, преимущество не на стороне КМН, не имеющих ресурсов и возможностей для более эффективного результата, всецело надеющихся на справедливость закона Российской Федерации.

Обратимся к букве закона. В Конституции Российской Федерации гарантируются права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами [Конституция РФ, ч.1 ст.69]. В соответствии ч.2. ст.68 языки народов России – национальное достояние Российского государства [Конституция РФ, ч.2 ст.68]. В соответствии ч.2. ст.68 культура в Российской Федерации является уникальным наследием её многонационального народа – культурное наследие и коллективная память – это основы идентичности любого народа. В соответствии ч.2. ст.69 государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей, обеспечивая тем самым сохранение этнокультурного и языкового многообразия. **В соответствии ч.1. ст.26 каждый гражданин вправе определять и указывать свою национальную принадлежность, никто не может быть принуждён к определению и указанию своей национальной принадлежности** [Конституция РФ, ч.1 ст.26].

В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый гражданин имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка обучения, воспитания, творчества и общения. В Конституции Республики Дагестан закреплены эти же права, но они носят формальный (декларативный) характер, то есть полноценно не соблюдаются.

Соответствие непредставленных народов самостоятельным этническим общностям официально определяется научным сообществом (Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук). В связи с чем, ещё накануне всесоюзной переписи 2010 года, высшему руководству РД были даны со стороны ИЭА РАН соответствующие научные рекомендации по неотложной необходимости восстановления конституционных прав шестнадцати непредставленных коренных народов Дагестана как самостоятельных этнических обществ, каковыми они по факту являются. Однако высшее политическое руководство Республики Дагестан проигнорировало рекомендации научного сообщества ИЭА РАН в этом вопросе и провело перепись 2010 года по собственному усмотрению, сохранив всё как есть. ИЭА РАН ничего не смог с этим сделать.

«Сохранить всё как есть» в данном случае означает идти против Конституции РФ и федерального закона №82, не давая восстановить нарушенные конституционные права шестнадцати КМН Дагестана, законсервировать острейшую этнополитическую проблему внутри республики и не оставить малейшего шанса на его справедливое разрешение. Такое стало возможным единственно потому, что в 1999 году с подачи предыдущего руководства Республики Дагестан было внесено особое изменение в 3 пункт 1 Статьи 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 года №82 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Федеральный Закон №82 ФЗ] с целью создания непреложного условия, чтобы решение данного вопроса было исключительной прерогативой только руководителя высшего исполнительного органа Республики Дагестан.

Таким образом, после внесения указанного изменения в 1999 году в Федеральный закон №82 ФЗ, исключительно только глава Республики Дагестан может по своему собственному усмотрению определять количественные и иные особенности коренных малочисленных народов республики, а также устанавливать перечень этих народов с последующим включением их в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». После принятия указанного изменения в Федеральный Закон №82 ФЗ, Постановлением Государственного Совета Республики Дагестан от 18 октября 2000 года № 191 «О коренных малочисленных народов Республики Дагестан» к коренным малочисленным народам Республики Дагестан были отнесены только 14 народов (аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-аккинцы), в то время как 16 непредставленных коренных малочисленных народов Дагестана остались вне списка Единого перечня. В связи с Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2001 года № 236 «О Постановлении Государственного Совета Республики Дагестан от 18 октября 2000 года № 191» вышеуказанный перечень 14 коренных малочисленных народов Республики Дагестан был признан частью Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации. Высшее политическое руководство Республики Дагестан намеренно создало правовое препятствие на пути восстановления конституционных прав КМН Дагестана. Насколько Постановление № 191 легитимно в республике, показывает его анализ ведущими специалистами, которые пришли к выводу, что оно не «определяет количественные и иные особенности её коренных малочисленных народов, что требует ФЗ-82 от руководства Дагестана. Косвенно в литературных источниках указывается, что принципом выделения являлось лишь «наличие официальной письменности на соответствующих языках. В результате, например, младописьменные ороки входят в номенклатуру КМН РФ, а андийцы, дидойцы и все другие андо-цезские этносы – нет» [Амбурцев Р.А., Хрущев С.А. С. 69].

Нелегитимность данного Постановления показывает и неправомерность отнесения всех 14 титульных народов Республики Дагестан к категории «малочисленных», в то время как подлинно малочисленные народы официально не существуют в республике. О том, что Постановление ни в одном своём пункте не отображает национальную реальность Республики Дагестан, а только искажает и уводит далеко от сути ФЗ-82, говорится и в анализе специалистов, которые отмечают, что в Постановлении «смешаны понятия «коренные малочисленные народы» и «этнические меньшинства». В результате в список попали этносы: — автохтонные для РФ, но демографически не малочисленные – русские; — не автохтонные для РФ и не малочисленные (азербайджанцы); — не автохтонные для РФ, но малочисленные (таты)» [Амбурцев Р.А., Хрущев С.А. Там же].

В Республике Дагестан с начала 1990-х годов законодательно закреплён механизм обеспечения в представительных органах власти представителей исключительно только народов, имеющих свою письменность. «В основу был положен исходный принцип – наличие официальной письменности на соответствующих языках» [Шапиев С.М. Полиэтничность и обеспечение представительства во власти» (на примере Республики Дагестан). [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.rcoit.ru/news/detail/16555/>]. Здесь также имеет место правовой обход ФЗ-82, позволяющий основные пункты характеристики КМН заменить принципом наличия или не наличия официальной письменности. Бесписьменными КМН являются только потому, что руководство республики не позволило им стать письменными, блокируя им в этом

отношении все пути. До сих пор в этом отношении им ставятся препоны. В частности, в этом году (2023) дидойскому народу отказали в простой публикации дидойского алфавита в общественно-политической газете «Дагестанская правда» для открытия дебатов на эту тему, уклончиво обосновав от имени редакции, что это «общественно-политическая» газета, а алфавитами занимается ИЯ ДНЦ РАН. При этом тема возможности введения дидойского алфавита в школе на самом деле что ни на есть политическая и требующая общественно-политической дискуссии, чего не желают допускать в республике.

Цинично заявляя, что в Дагестане «каждое ущелье и каждое селение имеет свой диалект, свой говор», под надуманными предлогами пресекаются все пути для официального признания уже готовых письменных языков непредставленных коренных народов. «Язык есть исповедь народа, Его душа и быт родной», — так писал один из самых величайших поэтов серебряного века Петр Андреевич Вяземский. Но непредставленным КМН Дагестана внушается, что письменность им не нужна, так как для них это будет чревато финансовыми вложениями, суетой и хлопотами при издании книг, что, якобы, усложнит им жизнь, так как аудитория письменного языка будет небольшая, издавать журналы, газеты, книги будет дорого и нерентабельно, поэтому им лучше оставаться безписьменными и «сохранить всё без изменений» — что есть очередная попытка обмануть эти народы. «Отберите у народа все - и он может все вернуть; но отберите язык - и он никогда более не создаст его; вымер язык в устах народа - вымер и народ» [К. Ушинский]. Письменный язык необходим каждому самостоятельному этносу, как мала бы ни была его численность. Народ жив, пока жив его язык.

Отсутствие официальной письменности есть формальный повод отказать непредставленным КМН Дагестана в восстановлении своих конституционных прав как самостоятельных этнических общностей. Потому возможный процесс официального утверждения письменных языков непредставленных КМН Дагестана максимально затруднён или сведён к нулю. До сих пор нет ни одного случая официального утверждения письменного языка и его введения в школьную программу даже у тех народов, которым уже созданы алфавиты и орфография, что есть нарушение конституционных прав этих народов.

«Так как по Постановлению Правительства РФ от 28 марта 2001 г. № 236 перечень коренных малочисленных народов Республики Дагестан является частью Единого перечня коренных малочисленных народов РФ, то Единый перечень de-jure включает не 47, а 61 этнос, из которых 11 не соответствуют (либо качественно, либо количественно) принципам их выделения согласно ФЗ-82 [Амбурцев Р.А., Хрушев С.А. Там же; О постановлении Государственного Совета Республики Дагестан от 18 октября 2000 г. № 191 [Текст]: Постановление Правительства РФ от 28 марта 2001 г. № 236. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.garant.ru/183401/#ixzz4jPCgu285>].

Специфичность национальной политики Республики Дагестан демонстрирует и тот факт, что ни в Законе РД «О Конституционном Собрании» от 10.6.1994 года, ни в Законе РД «О Государственном Совете РД» от 16.8.1994 года вообще нет перечисления коренных народов Дагестана. В тексте закона о составе Государственного Совета из 14 человек сказано только, что в Совет «не может входить более одного представителя одной и той же национальности», опять таки не упоминая ни одного коренного народа республики [О Государственном Совете Республики Дагестан [Текст]: Закон Республики Дагестан от 16 августа 1994 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts24/txt24895.htm>, ст. 2]. Что не случайность. Официальное неперечисление коренных народов республики в основополагающих законах республики позволяет руководству республики лавировать как внутри республики, так и затушевать перед федеральным центром имеющуюся серьёзную проблему нарушения конституционных прав шестнадцати КМН — снова правовой маневр, позволяющий вновь обойти закон и существующую проблему. Ведь официальное перечисление коренных народов республики сразу же выдвинет юридический вопрос о статусе непредставленных шестнадцати КМН республики.

С принятием особой поправки к ФЗ-82 в республике в 1999-2000 годах в Республике Дагестан была создана такая правовая реальность, в которой шестнадцать непредставленных КМН Дагестана официально не существуют, в Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации их нет, вследствие чего, при всём своём желании, они не смогут быть зафиксированы как самостоятельные этнические общности при проведении переписи населения. Потому свободное правовое волеизъявление гражданина Российской Федерации при общероссийской переписи населения идентифицировать себя представителем своего родного (материнского) этноса в случае с представителями непредставленных шестнадцати КМН Республики Дагестан нарушено, а коррекция нарушения зашло в тупик. Нарушаются конституционные права на этническую самоидентификацию, самосохранение и развитие этих народов.

Многочисленные обращения представителей шестнадцати непредставленных КМН Дагестана в соответствующие федеральные органы в защиту своих конституционных прав вплоть до президента Российской Федерации неизменно возвращаются назад в Республику Дагестан на имя высшего должностного лица субъекта, который имеет исключительное право в соответствии с 3 пунктом 1 Статьи 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 года №82 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Федеральный Закон № 82 ФЗ] в одностороннем порядке проявить инициативу о внесении необходимых дополнений относительно непредставленных КМН Республики Дагестан в Единый перечень КМН Российской Федерации, после чего только становится возможным официальная фиксация самостоятельных этнических общностей, **но он эту инициативу не проявляет.**

Последнее совместное обращение КМН Дагестана от 2 февраля 2023 года № А26-01-12240932-СО1 на имя президента РФ В.В. Путина по данному вопросу было направлено Управлением Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций в Федеральное Агентство по делам национальностей, которое предсказуемо порекомендовало обратиться к высшему руководству Республики Дагестан.

Федеральное Агентство по делам национальностей также указывает на непреодолимое правовое препятствие, которое не позволяет ни одному другому органу Российской Федерации что-либо менять в судьбах, упомянутых шестнадцати непредставленных КМН Дагестана. Только глава Республики Дагестан имеет исключительное право на официальное инициирование проведения работы по оценке соответствия 16 непредставленных КМН Республики Дагестан критериям самостоятельных этнических общностей, в случае подтверждения чего со стороны научного сообщества (ИЭА РАН), Федеральным Агентством по делам национальностей будут внесены соответствующие дополнения в Единый перечень, после которых эти народы смогут быть официально зафиксированы как самостоятельные этнические общности в ходе новой всесоюзной переписи населения. Само Федеральное Агентство, в случае официальной инициации расследования вопроса со стороны главы Республики Дагестан, готово провести соответствующую работу. Всё упирается в высшее политическое руководство Дагестана.

Представители шестнадцати непредставленных КМН Дагестана который раз обращаются непосредственно к главе Республики Дагестан с просьбой официально инициировать работу Федерального агентства по делам национальностей в этом вопросе с последующей научной проверкой со стороны Института этнологии и антропологии РАН соответствия указанных 16 непредставленных коренных малочисленных народов Республике Дагестан критериям самостоятельных этнических общностей, по результатам которой Федеральное агентство по делам национальностей внесёт необходимые дополнения в Единый перечень. Но никаких позитивных сдвигов нет. Возникает вопрос: как эффективно и легитимно этим народам бороться за свои права, если Постановление № 191 от 18.10.2000 года Государственного совета РД блокирует для них саму возможность восстановления их прав, по разными причинам не заинтересованного в этом? Куда этим народам обращаться в защиту своих этнических прав? Что они должны сделать, чтобы государство обратило внимание на их проблему и помогло решить?

Отмена Постановления № 191 от 18.10.2000 года Государственного совета РД откроет возможность реализации федерального закона № 82 (1999) и преломит ситуацию в национальной политике республики в позитивном русле для непредставленных коренных народов Дагестана. Совершенно неправильно, чтобы в таком правовом многонациональном государстве как Российская Федерация, до сих пор страдало более десятка малочисленных коренных народов, несправедливо пострадавшие от националистической внутренней политики этнопартократов советского прошлого. **В интересах всех многонационального Дагестана необходимо восстановление этнического баланса: все местные этносы должны быть посчитаны в своей естественной природной численности без нарушения прав соседних народов, вне зависимости от своей численности на равных представлены на политическом поле республики и иметь равные условия экономического развития.** В Республике Дагестан как минимум должны быть представлены 27 титульных коренных народа (если принять к сведению, что в официальном списке 14 титульных коренных народа РД значатся «автохтонные для РФ, но демографически не малочисленные – русские; — не автохтонные для РФ и не малочисленные (азербайджанцы); — не автохтонные для РФ, но малочисленные (таты)»), то остаются 11 коренных представленных народа и плюс ещё 16 непредставленных коренных народа Дагестана), а три этнических меньшинства (русские, таты, азербайджанцы), не являющиеся автохтонными для территории Дагестана, должны иметь соответствующие статусы [Амбурцев Р.А., Хрущев С.А. С. 69].

ИЭА РАН готов всемерно поддерживать правомерные требования КМН Дагестана. К сожалению, обычными гражданскими действиями, такие как обращения, письма, круглые столы изнутри Дагестана решить вопрос не удаётся. Все эти пути уже пройдены без осязаемого результата. **Из всех возможных вариантов решения данного вопроса, самый лучший, безусловно, если президент Российской Федерации, ради спасения уникальных этнических обществ Дагестана от дальнейшей ассимиляции, отменит особую поправку к ФЗ-82 в отношении Республики Дагестан от 1999 года,** дающее в руки высшего политического руководства республики беспрецедентное право субъективного принятия решения относительно судеб малочисленных коренных народов республик в нарушении ФЗ-82 (1999). Как мы писали выше, имеется чрезвычайно маленький шанс такого исхода, но надежда всё же остаётся.

В связи с чем, просим политические и научные круги России, заинтересованных в соблюдении конституционных прав российских народов, помочь непредставленным КМН Дагестана добиться исторической справедливости к себе, сказать слово в защиту их этнических прав, способствовать исправлению ошибок советского и постсоветского прошлого в национальной политике Республики Дагестан. Без такой поддержки этим народам будет невозможно добиться позитивного результата в республике. Непредставленные КМН Дагестана хотят исторической справедливости к себе, восстановления своих конституционных прав, официально называться своими подлинными этнонимами, иметь письменные языки, изучать свои собственные языки в качестве родных в национальной школе, развиваться наравне со всеми другими братскими народами Республики Дагестан и Российской Федерации. Нет никаких оправданий тому,

что эти народы лишены этого в своей республике. Конституционное право непредставленных КМН Дагестана, гарантированное Федеральным Законом № 82, должно быть обеспечено в Республике Дагестан.

Список литературы / References

1. *Амбурцев Р.А., Хрущев С.А.* Этнополитические проблемы современного Дагестана / Амбурцев Р.А., Хрущев С.А. *Науки о земле «Науки. Инновации. Технологии»*. – 2017. – №4.
2. *Бабаков В.Г.* Кризисные этносы. Москва, 1993.
3. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. - М, 1927-1929.
4. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».
5. Закон РД «О Государственном Совете РД» от 16.8.1994 года.
6. Закон РД «О Конституционном Собрании» от 10.6.1994 года.
7. Конституция РФ, ч.1 ст.26
8. Конституция РФ, ч.1 ст.69
9. Конституция РФ, ч.2 ст.68
10. О внесении изменения в Указ Президента Республики Дагестан 75 № 4, 2017 от 13 сентября 2013 г. № 257: Указ Главы Республики Дагестан от 1 февраля 2016 г. № 26 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://president.e-dag.ru/dokumenty?start=660/> (дата обращения: 22.07.2023).
11. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 18. – Ст. 2208
12. О Государственном Совете Республики Дагестан: Закон Республики Дагестан от 16 августа 1994 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts24/txt/> (дата обращения: 22.07.2023).
13. Об особенностях применения Федерального закона «О коренных малочисленных народах Российской Федерации» в Республике Дагестан: Постановление Государственного Совета РД от 18 октября 2000 г. № 191 // Собрание законодательства Республики Дагестан. – 2000. – № 10. – Ст. 922
14. Обращение КМН Дагестана от 2 февраля 2023 года № А26-01-12240932-СО1 на имя президента РФ В. В. Путина (сайт Администрации президента РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://letters.kremlin.ru/>(дата обращения: 22.07.2023).
15. *Пашаева Ш.Ю.* Арчинцы. Этническое возрождение / Пашаева Ш.Ю. *Вестник науки и образования*. – 2023. - №4 (135)
16. *Пашаева Ш.Ю.* История борьбы 16 малочисленных непредставленных коренных народов Дагестана за восстановление конституционных прав (период: 1959-2012) / Пашаева Ш.Ю. *Вестник науки и образования*. – 2023. - №3 (134)
17. Письмо академиков РАН В.А. Тишкова и С.А. Арутюнова от 29 марта 2002 года на имя Начальника Управления переписи населения и демографической статистики Госкомстата России И.А. Збарской.
18. Поправка в 3 пункт 1 Статьи 1 Федерального закона от 30 апреля 1999 года № 82 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».
19. *Тишков В., Кисриев Э.* Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) / Тишков В., Кисриев Э. «Этнографическое обозрение». – 2007. - № 5.
20. Федеральный Закон №82 ФЗ, Постановление Государственного Совета Республики Дагестан от 18 октября 2000 года № 191 «О коренных малочисленных народов Республики Дагестан».
21. *Шаниев С.М. Шаниев А.С.* Республика Дагестан: социально-политические и правовые проблемы в полиэтническом обществе // *Гражданин. Выборы. Власть*. № 2(16), 2020.
22. *Шаниев С.М.* Полиэтничность и обеспечение представительства во власти» (на примере Республики Дагестан). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rcoit.ru/news/detail/16555/> (дата обращения: 22.07.2023).
23. *Шнирельман В.А.* Статья аланами (этногенетические мифы на Северном Кавказе) / Шнирельман В.А. М.: Новое литературное обозрение. 2005.
24. *Norowitz D.* *Ethnic Groups in Conflict*. University of California Press, 1985.